

Социальные трансформации постметафизической эпохи

В.С. Левицкий

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Брюссель, Бельгия

Аннотация

В статье прослеживаются социальные трансформации постметафизической эпохи. Подчеркивается, что современное состояние социума стало следствием кардинальных изменений предметной области метафизического дискурса в аспекте понимания природы реальности, статуса разума и истины. Классический модерн отталкивается от веры в существование объективной реальности, универсального разума и истины как соответствия суждений разума реальному положению дел. В качестве главного гаранта этой веры в обществе модерна выступает наука. Вместе с тем в статье показано, как, начиная с середины XX века, в магистральных традициях европейской философии (феноменологии, аналитической философии, прагматизме) эта вера поступательно делегитимируется. После критики классических концепций научного знания, предпринятой в рамках постпозитивизма и философии науки второй половины прошлого столетия в целом, наука лишилась уникального культурного статуса, позволявшего ей выносить окончательные суждения о реальности. В результате этих открытий претерпели фундаментальные изменения представления о реальности, о которой все чаще говорят не как об «объективной», а как об «интерсубъективной», универсальном статусе разума, «распавшегося» на исторические типы рациональности, абсолютной истине, вылившихся в признание множественности истин и открывших эпоху постправды. Такие изменения предельных представлений о сущем, разуме и истине приводят к трансформации всей социальной системы. На уровне мир-системы появляются альтернативные цивилизационные проекты, продвигающие собственное понимание общественных целей и ценностей, девальвируется роль экспертного сообщества, имеющая определяющее значение для классического модерна, формируются новые идентичности, способы мобилизации и солидаризации, возникают новые формы стратификации. В статье показано, что особенность постметафизической эпохи состоит в уникальном способе отношения к сущему – практике сознательного кон-

струирования реальности. Ввиду этого, обращаясь к хайдеггеровской традиции современную парадигму отношения к сущему предложено назвать «временем конструкта мира».

Ключевые слова: социальная реальность, модерн, постметафизическая эпоха, разум, истина, наука, постправда.

Левицкий Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации.

victor2609@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

Для цитирования: *Левицкий В.С.* Социальные трансформации постметафизической эпохи // *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 4. С. 29–45. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-29-45

Social Transformations of the Post-Metaphysical Era

V.S. Levytskyy

*Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and
Adaptation, Brussels, Belgium*

Abstract

The article is concerned with the social transformations of the post-metaphysical era. It emphasizes the fact that the current state of society is a result of cardinal changes in the subject area of metaphysical discourse. It means transformation of our understanding of the nature of reality, as well as the status of reason and truth. Classical modernism is based on belief in the existence of objective reality, universal reason and the truth as a correspondence of rational judgments to the actual state of affairs. Thus, science becomes the main guarantor of this belief in modern society. At the same time, the article shows gradual delegitimization of this belief in the main traditions of European philosophy (phenomenology, analytic philosophy, pragmatism) since the middle of the 20th century. After post-positivism and new trends in the philosophy of science, scientific knowledge lost its unique cultural status. Since then, it could no longer make final judgments of reality. Due to major discoveries, the concept of reality fundamentally changed, and it is now conceived as intersubjective rather than completely objective. The universal status of reason has “disintegrated” into several historical types of rationality. The absolute truth has been replaced with the pluralist theory of truths, opening the era of post-truth. What the article emphasizes is that such fundamental changes in our notions of existence, reason and the truth lead to a transformation of the whole social system. At the world-

systems level, alternative civilization projects appear, promoting their own understanding of social goals and values and devaluating the role of the expert community, which had crucial importance for classical modernism. New identities, ways of mobilization and solidarization are formed, new forms of stratification appear. At the same time, the article states that the main feature of the post-metaphysical era is that unique way of relating to existence, which means conscious construction of reality. Relying on this statement and Heidegger's tradition, it is proposed to define the modern paradigm of relating to existence as "the time of the world construct."

Keywords: social reality, modernity, post-metaphysical era, reason, truth, science, post-truth.

Viktor S. Levytskyi – Ph.D. in Philosophy, Director of the Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

victor2609@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

For citation: Levytskyi V.S. (2021) Social Transformations of the Post-Metaphysical Era. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. . no. , pp. 29–45. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-29-45

Введение

Современный мир характеризуется существенными изменениями. Ю. Хабермас описывает их в терминах постсекулярного общества, показывая изменившийся статус светской рациональности [Хабермас 2008]. Г. Стэндинг отмечает трансформацию социальной структуры, обосновывая появление нового класса – прекариата [Standing 2011]. Т. Пикетти показывает идеологические основания прогрессирующего экономического неравенства [Piketty 2014]. Э. Мичта предлагает пересмотреть неолиберальную концепцию «конца истории», которая привела, по его мнению, США к «коленопреклоненному» положению [Michta 2020].

Учитывая сильные стороны этих работ, предлагаем в настоящем исследовании частично изменить фокус рассмотрения проблемы, обратить внимание на изменения в понимании сущности и целей разума, природы реальности и статуса истины, произошедшие в последнее время. Речь идет об изменении типа рациональности и модификации наиболее общих представлений о действительности, доступных культурному разуму. Таким образом, цель настоящей статьи – экспликация трансформации представлений о реальности, приведших к переструктурированию социальной системы.

Генеалогия постметафизической эпохи

Обращаясь к мысли М. Хайдеггера об историчности эпох бытия, можно констатировать, что каждая эпоха исходит из собственного понимания истины, реальности, разума и т.д. В этом отношении конституирующими для модерна следует признать убежденности об универсальной природе разума, о существовании объективной реальности и истины как корреспонденции между ними. Согласно программе Просвещения, выступающей идеологическим основанием Модерна, разум обладает универсальной природой – вне зависимости от исторического периода или культурного ареала он всегда остается инвариантным. Это положение можно считать определенным общекультурным консенсусом современной рациональности в целом. С ним согласен и К. Маркс, считавший разум инструментом познания объективной реальности, и И. Кант, видевший в разуме средство конструирования феноменального мира. Реальность в таком мире становится пассивным объектом, противостоящим субъекту и открытым для любых манипуляций с его стороны. М. Хайдеггер назвал сложившуюся ситуацию временем картины мира: мир впервые предстал европейскому разуму в виде картины [Хайдеггер 1993]. Модерный разум уверен, что реальность является объективной и открытой к познанию ее субъектом. Следовательно, истина устанавливается путем соотнесения высказывания с объективной реальностью. Естественно, истина в этом случае может быть только единой, установленной раз и навсегда.

Описываемая архитектура метафизических убеждений предполагает релевантную организацию социального бытия. Модерн как социальная реальность служит формой их реализации. Наука обретает статус культурной идеологии, вокруг которой выстраиваются все центральные социальные практики. Любое явление или событие должно получить предельное обоснование в рамках научного дискурса или быть отброшено как ненаучная преграда продвижения к абсолютной истине. Все устремления социальной телеологии в этот период сопряжены с достижениями науки, а высшие ступени аксиологии занимает понятие «прогресс». Предложение Сен-Симона учредить новую религию – «ньютонизм», а вместо храмов строить «мавзолеи Ньютона», можно считать крайней формой выражения этой стратегии.

Претерпела трансформацию и социальная структура общества: академии наук стали новыми институтами онтологической

ответственности, институтами, выполняющими в культуре консолидирующую мировоззренческую функцию¹, лаборатории – местом и средством производства знания как главной ценности эпохи Модерна, энциклопедии – инструментом, легитимирующим и продвигающим это знание, а ученые – новой стратой «жрецов». Данную настроенность культурного разума точно передал И. Фихте. Перефразируя известную библейскую мысль, он назвал ученых солью земли [Фихте 1995]. Шерлока Холмса с его верой в существование единой истины и неизбежность ее познания путем найденного метода следует признать героем и символом Модерна.

В рамках указанной социальной телеологии вера в универсальный разум предполагала наличие универсальной модели цивилизационного развития, опирающейся на этот разум. Путь человечества известен и намечен: он должен пролегать от «темных» веков традиции к свободным новым временам (*modern time*)². Это приводит к нескольким следствиям: 1) любые отклонения от такой цивилизационной стратегии должны быть признаны тупиковыми путями развития; 2) за образец должна быть принята западная модель как исторически первая и единственно верная; 3) все атрибуты традиционного общества, представляющего прошлое, должны быть отброшены. Очевидно, что в ряд таких атавизмов попадает религия и традиция как таковая. В результате «цивилизованным» может считаться только светский разум. Любые апелляции к религиозным смыслам, особенно в публичном дискурсе, табуированы. Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса служит примером одного из самых разработанных вариантов реализации нормативности секулярного разума.

Но в период, когда вера в установки Модерна достигла наивысшей точки, реализовавшись в двух самых последовательных его воплощениях – в виде немецкого и советского проектов, начали появляться и первые сомнения относительно его «абсолютных предпосылок» (если воспользоваться терминологией Р. Коллингвуда). В практически синхронных исследованиях универсальность

¹ Подробнее о сущности, функциях и целях институтов онтологической ответственности см.: [Белокобыльский, Левицкий 2018].

² С этой точки зрения, политические идеологии мало чем различаются между собой. Даже такие крайние их полюса, как либерализм и коммунизм, по-разному реализуют единый просвещенческий архетип.

разума, объективность реальности и абсолютность истины оказались проблематизированы. В феноменологической традиции Э. Гуссерль в поздний период своей деятельности активно разрабатывает концепцию жизненного мира, показывая зависимость наших рациональных стратегий от его структур. М. Хайдеггер историю бытия связывает с культурно различными формами сущего, указывая, что каждой эпохе присуще свое понимание истины. Л. Витгенштейн в описываемый период формулирует теорию языковых игр, понимаемых как форма жизни, тем самым иницируя лингвистический поворот. В аналитической традиции все больше осознается зависимость наших представлений о мире от концептуальных схем и принципиальная невозможность их покинуть (Р. Карнап, В. Куайн, М. Даммит). В полевых этнолингвистических исследованиях изложенные идеи получают эмпирическое подтверждение (Э. Сепир, Б. Уорф).

Данные обстоятельства заставляли переосмыслить основы собственной культуры, которые недавно казались незыблемыми. Истоки этого сомнения можно найти в знаменитой речи М. Вебера «Наука как призвание и профессия», произнесенной им, когда не было еще серьезных оснований переживать относительно культурного статуса науки. Тем не менее настрой немецкого социолога существенно отличается от воодушевления, с которым И. Фихте обращался к этой же аудитории до него, столетием ранее. В отличие от И. Фихте, М. Вебер выражает озабоченность в отношении того, что наука продолжает оставаться профессией, но все меньше – призванием [Вебер 1990]. Наука поступательно теряла статус культурной идеологии и ведущую роль в этом, судя по всему, сыграла философия и социология науки [Белокобыльский 2019]. Именно в данном дискурсе осознанной стала теоретическая нагруженность фактов, неустранимость метафизических оснований научных теорий, некумулятивное развитие научного знания и др.

Послевоенная антипозитивистская философия науки все-таки надеялась обнаружить «гаранты» научной рациональности, если не на уровне верификации отдельных предложений, то, например, в области сравнения предсказательного потенциала теорий (К. Поппер), «позитивного сдвига проблем» в научно-исследовательских программах (И. Лакатос) и т.д. Однако впоследствии осознание непреодолимости зависимости эмпирического знания от теоретических построений у таких авторов,

как С. Тулмин или К. Хюбнер³, заставило философов подвести своеобразную черту под вопросом о принципиальном отличии научного знания от любого другого в смысле его «объективности». С. Тулмин в связи с этим пишет: «...и существительные (термины), и предложения научных теорий имеют скорее косвенное, а не прямое отношение к эмпирически идентифицированным объектам и явлениям. Устанавливая условия, при которых можно успешно применить тот или иной метод объяснения, ученый определяет (1) не то, “являются ли они истинными”, а то, в каких эмпирических ситуациях предложения соответствующей теории имеют силу, и (2) какие эмпирические объекты считаются (а не “являются”) примерами соответствующих теоретических сущностей» [Тулмин 1984, 176].

К концу XX века для философов стало очевидным то обстоятельство, что обещания науки приоткрыть все тайны природы, которые звучали реалистично еще менее столетия назад, так и не будут реализованы. Стало понятным, что «природа» – это теоретический конструкт естественно-научного мышления, который не эквивалентен «объективной реальности», а доступ к ней принципиально невозможен. В конечном счете, пришло осознание, что наука не способна играть роль культурной метафизики, которую видели в ней представители программы Просвещения, поскольку было обосновано, что она сама производна от определенной формы метафизики.

Естественно, такие трансформации сказались на всех регионах социального бытия. Наука теперь – это не единственный путь к абсолютной истине, а наиболее эффективное сегодня средство решения практических задач [Dear 2005]. Следовательно, нужно строить не храмы науки, а финансировать лаборатории, зани-

³ К. Хюбнер пишет: «Эмпирический элемент может быть найден только в структуре *метатеоретического* вывода: “Если приняты такие-то правила, постулаты, теории (все то, что может быть названо метатеоретическими объектами), то из этого следуют такие-то базисные предложения, опровержения или подтверждения (то есть также метатеоретические объекты)”. Можно сказать иначе: “Если имеют место такие-то предложения, ничего не говорящие о природе самой-по-себе, то имеют место и другие предложения, которые эмпирически следуют из первых, но также ничего не говорят о природе самой-по-себе”. Эмпирические факты присутствуют только в *таких* метатеоретических условных отношениях (“если..., то...”); однако содержание предложений, включенных в состав теории, нельзя признать выражением эмпирии. *Реальность возникает не в теории, а только в метатеории*» [Хюбнер 1994, 68].

мающиеся прикладной наукой, позволяющей получить материальные выгоды и конкурентные преимущества. Наука из ранее единственной легитимной формы знания превратилась в одну из «языковых игр» наравне с мифом, искусством или религиозным мировоззрением.

Это автоматически влечет за собой и отказ от универсальной модели цивилизационного развития. Если универсальный разум, служивший для нее концептуальной опорой, дезавуирован, значит, и сама модель не может быть универсальной. Соответственно, равнообоснованы плюралистические альтернативы, базирующиеся на других аксиологических, телеологических и праксиологических допущениях. Стало понятно, что отсутствует единая шкала, которая могла бы выступить эталонным критерием цивилизационной селекции. Официальным признанием возможности партикулярных моделей можно считать трансформацию концепции Ю. Хабермаса, в самом начале XXI века констатирующего появление постсекулярного общества. Данный факт свидетельствует не столько о возвращении религии в публичную сферу (об этом, например, Х. Казанова заявил несколько раньше [Casanova 1994]), сколько о признании равноправного статуса светской и религиозно мотивированной рациональности.

С этого момента секулярный разум теряет монополию.

Все это приводит к тому, что к середине второго десятилетия XXI столетия конституирующие основания модерна претерпели существенные изменения. Используя хайдеггеровскую типологию отношения культурного разума к реальности, можно утверждать, что «время картины мира» вытесняется новым типом организации предметности – временем конструктора мира. Х.У. Гумбрехт произошедшие трансформации описал в терминах перехода от состояния «наличности» к модусу «подручности» [Гумбрехт 2020]. Место объективной реальности заняла интересубъективная реальность, стабильность которой теперь связана с деятельностью культурного трансцендентального субъекта. Универсальный разум «рассыпался» на множество культурно и исторически релятивных партикулярных рациональностей. Постправда, которая была с начала нашего века лишь предметом специальных политологических исследований, после *Brexit* и американских выборов 2016 года стала общекультурным фактом, отраженным во всех сферах культурного бытия. Надежда обрести абсолютную истину не оправдалась, и культурный разум оказался в си-

туации множественности истин, при постоянно усложняющихся обстоятельствах ее (истины) поиска. В связи с этим символом постметафизической эпохи справедливо признать героев романов Ф. Бегбедера с их уверенностью в том, что они и являются мерой всякой истины.

С. Фуллер склонен видеть в таком положении дел очередной шаг освобождения и осознания ответственности: теперь не спрятаться за трансценденции в виде Бога, Истории, Природы [Fuller 2018]. Но нельзя не заметить открывающиеся возможности для манипулирования и сознательного конструирования социальной реальности. В итоге изменения в области наиболее общих представлений о сущем бросают вызов не только конституции модерна, но и всей многовековой европейской традиции, взлелеянной верой в существование единственной истины.

Феноменология постметафизической эпохи

Метафизические трансформации подобного рода не могли не сказаться на организации социального бытия в целом. Это относится ко всем его регионам, системам и структурам. Глобальный мир все больше распадается на отдельные культурно фундированные субмиры, культурный разум осознал возможности сознательной коррекции смыслового континуума, что вызвало изменения в институциональных формах сохранения смыслового единства реальности. Новые смыслы породили новые идентичности и способы солидаризации, смысловое переустройство общества приводит и к новым видам стратификации. Можно утверждать, что привычная современному разуму социальная реальность претерпевает существенные метаморфозы.

В области устройства мир-системы можно наблюдать, как мир все больше фрагментируется на отдельные культурные ойкумены, формирующиеся на основе партикулярных ценностей. Деуниверсализация разума наделяет универсально-аксиоматическим статусом ценностное ядро партикулярных культурных универсумов. Это только заостряет конкуренцию альтернативных проектов глобального развития, эксплицитно формирующих собственные ценностно-смысловые универсумы. Данные проекты выступают не просто в качестве политических объединений, а являются культурными субмирами с собственными представлениями о ценностях, целях, истории, о сущем и должном. Каждый из них выстраивает уникальную социальную реальность и старается

максимально ее расширить. Сегодня можно выделить американский проект, российский проект, китайский, семейство исламских проектов и ставший на путь самообоснования индийский проект [Водоразделы... 2018].

Кризис, связанный с пандемией коронавируса COVID-19, предельно заострил тенденцию такого рода. Все чаще и настойчивее стали говорить о сокращении логистических цепочек и возвращении, хотя бы стратегических производств из третьих стран. С новой силой возник вопрос о суверенитете и государственных границах. Уверения об устарелости национально-государственной системы во времена глобального капитала одномоментно стали устаревшими.

Несложно предположить, что процесс фрагментации не окончен, и по мере все большей эрозии универсальной модели развития и легитимации партикулярных стандартов, подкрепленных экономическими возможностями, будут появляться новые проекты, заявляющие о своем уникальном самостоятельном пути.

Все это происходит на фоне трансформации центральных для современной социальной реальности смыслов. Изменения связаны с революцией в метафизическом дискурсе, в котором осознана «социальная нагруженность» даже предельных представлений о сущем. Вследствие этого культурный разум лишился возможности выхода за рамки имманентного.

Процесс имманентизации, который знаком и классическому модерну, становится тотальным, что делает современную ситуацию уникальной. Во-первых, не остается регионов реальности свободных от такого этоса детрансцендентализации. Все социальные практики «заземляются». Интерес представляет только посяторонность, а апелляции к любой форме квазитрансценденции (История, Нация), которые релевантны современной рациональности, становятся лишь частью ритуального протокола. Во-вторых, осознание сразу в нескольких магистральных философских традициях (феноменологии, прагматизме, аналитической философии) зависимости процедур смыслообразования, а соответственно, и формирования «картин мира», от социокультурных условий открывает возможность для сознательного конструирования смыслов. Если все смыслы реальности имманентны и одновременно производны от деятельности сообщества, значит, вполне целесообразно попытаться направить эту конструирующую энергию в нужном направлении. Фактом сегодняшнего дня

стала жизнь в среде смыслов, часть из которых сознательно сконструированы. Обнаруженный феномен особенно заметен в области коллективной памяти, гендерной политики, социальной телеологии, политики как таковой.

Процесс сознательного конструирования реальности стал возможен с изменением культурного статуса науки и утратой академиями наук функций институтов онтологической ответственности. Их место все больше занимают *think tank* и аналитические центры, направленные на решение конкретных прагматических задач, а эксперты чаще выполняют роль, которую ранее играли ученые.

Действительно, процесс перестройки социальной реальности требует адекватных изменений и в области социальной инфраструктуры. Центральными институциями новой реальности становятся аналитические центры, связанные с определенным проектом глобального развития, интересы которого они продвигают, и выступающие на современном этапе «демиургами» семантического пространства. Вокруг этих центров выстраивается разветвленная международная сеть их филиалов и аффилированных с ними НПО, ответственных за продвижение нужных смыслов в определенной сфере: экономике, политике, медицине, области прав человека, иной. *Open Society Institute, Council on Foreign Relation, Atlantic Council, The National Interest, Transparency International* могут быть примерами подобных аналитических центров. Кроме того, они реализуют несколько задач: 1) продвигают ценности и интересы «материнского» глобального проекта развития, соответственно, расширяют ареал влияния проекта; 2) выстраивают глобальную инфраструктуру, выступающую опорными пунктами продвижения собственного проекта в мире; 3) рекрутируют кадры, готовые продвигать ценностные императивы и интересы проекта на всех уровнях, в том числе на государственной службе. Получают распространение новые формы легитимации ценностей и целей, вырабатываемые в новых социальных практиках, таких как международные форумы и конгрессы (Давос, Валдай). Они выступают и основой формирования «проектной» солидарности.

Новые виды формирования картины мира опираются на поддержку глобальных СМИ и социальных сетей, выступающих на современном этапе в качестве наиболее эффективного средства

конструирования реальности (вряд ли без СМИ и социальных сетей была бы возможна «Арабская весна» или «Революция достоинства»). Аналитические центры и глобальные СМИ представляют собой единую систему, как правило, объединенную общими бенефициарами. Престижные же рейтинги, премии, награды служат механизмом социальной легитимации новых стандартов.

Аналитические центры во многом мало чем отличаются от аналогов, известных в истории, будь то церковь или академия наук. Они также ответственны за центральные смыслы реальности и ее стабильность. Но сегодня их роль становится эксплицитной: исторически устоявшиеся задачи дополняет функция сознательного конструирования реальности, что сказывается на конституции реальности в целом.

Р. Рорти, видимо, был одним из первых, кто осознал возможность сознательного конструирования реальности, обозначив его в своей концепции термином «переописание». Как известно, он отталкивался от убеждения в невозможности сопоставления словаря и реальности, а значит, в том, что словари отличаются только внутренней когерентностью, выбор между ними не опосредуется отсылкой к реальности. В данном контексте американский философ, анализируя творчество Дж. Оруэлла, видит главную его заслугу в переописании сталинского режима, который после этого стал неприемлемым – сначала для англо-американского мира, а затем и для континентальной Европы. Р. Рорти пишет: «Лучше считать это (творчество Оруэлла. – В. Л.) переописанием того, что может случиться или что случилось – чтобы сравнить не с реальностью, но с альтернативными описаниями тех же самых событий... Выбор между описаниями этой истории, предложенными Сартром и Оруэллом в конце 40-х... не состоит в сопоставлении или отказе от сопоставления неопровержимых и неприятных фактов... Выбор совершается при сопоставлении противоположных сценариев, при сопоставлении альтернативных, описаний и переописаний» [Рорти 1996, 221].

Тем самым Р. Рорти показал, что описание не ограничено внешней реальностью, а опирается лишь на внутреннюю согласованность и убедительность словаря. В настоящее время такая стратегия оказалась очень востребованной, и она относится не только к узкому кругу интеллектуалов. Современные аналитические центры, глобальные СМИ могут описать и переписать любое

событие в нужном направлении, и у рядового реципиента этого нарратива остается все меньше шансов выйти за его рамки.

Происходящие трансформации сказываются и на идентичностях, являющихся субъективным «оттиском» интерсубъективной социальной реальности. Изменение конституции социальной реальности необратимо приводит к трансформации старых идентичностей и формированию новых. С точки зрения «демиургической» деятельности аналитических центров обращает на себя внимание изменяющаяся роль экспертного сообщества. Эксперты классического модерна – гаранты демократического общества. Их деятельность в идеале должна базироваться на принципах идеальной коммуникации. Сегодня эксперты – это, как правило, сотрудники аналитических центров либо представители транснационального или олигархического капитала в гражданском обществе. Их задача – отстаивать интересы, а не истину. Такая идентичность сформирована вокруг одного из центральных положений постметафизической эпохи о том, что истина – продукт деятельности профессионального (экспертного) сообщества. Желание получить контроль над данным сообществом приобретает экзистенциальное значение и становится стратегической задачей.

Связь идентичностей с каноническими смыслами социальной реальности можно признать универсальной. Смыслы предполагают определенные идентичности. Вместе с тем идентичности обеспечивают социальное бытие смыслов. Изменение смыслового эталона происходит одновременно с формированием новых идентичностей, воспринимающих нарождающийся стандарт каноничным.

Показательным примером новых идентичностей, указывающих на глубинные трансформации социальной реальности, может служить ЛГБТ-сообщество. Легализация образа жизни, который прямо табуирован в христианской и современной культурах, стала возможна, когда имманентное пространство оказалось исчерпывающим, а «естественные права человека» в аспекте индивидуальной свободы стали главной ценностью культуры. Одновременно появились и релевантные социальные практики в виде гей-парадов или смены пола. Устаревшие смыслы тоже должны быть обновлены, в связи с чем понадобились гендерно-инклюзивные переводы Библии, согласовывающие текст Священного Писания с новым смысловым канонам [Шаров 2019]. Новые

идентичности современности отличает возможность их быстрого конструирования⁴.

Предложенный взгляд на современное общество позволяет говорить и о новых принципах стратификации, характерных для общества постметафизической эпохи. В частности, Г. Стэндинг показал нерелевантность современному социуму классических социально-экономических представлений о разделении общества на рабочих, средний класс и собственников средств производства. Он констатировал появление нового класса – прекариата, рост которого происходит преимущественно за счет «утонышения» среднего класса. Классики теорий постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, Т. Умсао, Э. Тоффлер) еще во второй половине XX века, учитывая возрастающее значение информации и знания, предложили новое понимание стратификации, выделив «технократические элиты и массу» [Белл 2004]. Учитывая фундаментальное значение смыслового измерения реальности и возможности сознательного конструирования смыс-

⁴ В качестве примера можно рассмотреть движение *Me Too*, конструирование которого как глобального тренда выглядит следующим образом. 5 октября 2017 года в «The New York Times» Джоди Кантор (приобрела мировую известность благодаря книге «The Obamas», повествующей о трансформации чикагской пары Барака и Мишель в президента и первую леди США соответственно, об особой роли в этой метаморфозе Мишель Обамы) и Меган Тви (финалист Пулитцеровской премии, известна исследованиями домогательств Трампа, его связей с Россией и неуплаты налогов) опубликовали статью под названием «Harvey Weinstein Paid Off Sexual Harassment Accusers for Decades», обвинив голливудского продюсера Харви Вайнштейна в сексуальных домогательствах [Kantor 2017]. Далее последовала масштабная кампания. Американская киноакадемия выступила в поддержку обвинений и исключила продюсера из своей гильдии, глобальные СМИ ежедневно информировали о все новых и новых случаях непристойного поведения. 15 октября 2017 года актриса Алисса Милано призвала распространить фразу #MeToo, ставшую маркером солидарности. За первые 24 часа в *Facebook* хештег использовали более 4,7 миллиона раз в 12 миллионах сообщений. Максимальное поощрение новая идентичность получила с выпуском декабрьского номера 2017 года «The Time», назвавшего человеком года «нарушителей молчания, *Me Too*», людей, отважившихся рассказать о сексуальных домогательствах. В 2019 году снят фильм «Быть Харви Вайнштейном», закрепивший новый инфернальный статус экс-продюсера и подтвердивший солидарность всех участников глобального тренда *Me Too*. В 2020 году Х. Вайнштейн приговорен к 23 годам тюрьмы. Движение *Me Too*, имея миллионы последователей в мире, повлияло на поведенческие практики во всех уголках планеты.

лов, сегодня можно говорить о новом принципе стратификации – о тех, кто смыслы производит, и о тех, кто их потребляет. Особенность современной ситуации состоит в том, что у «потребителей» остается все меньше возможностей отличить сконструированный смысл от «естественного», у «производителей» появляется все больше возможностей для конструирования, а значит, и манипулирования.

Выводы

Подытоживая изложенное, можно сформулировать ряд выводов. Во-первых, деуниверсализация культурного разума и связанное с этим изменение статуса научной рациональности приводит к глубинным трансформациям социальной реальности модерна. Во-вторых, современный этап развития общества характеризуется следующими особенностями: 1) осознанием возможности конструирования реальности; 2) созданием институций, в функционал которых входят данные задачи; 3) формированием новых идентичностей, способов солидаризации и типов стратификации; 4) появлением альтернативных проектов глобального развития, отстаивающих собственные аксиологические стандарты. В-третьих, все это выводит мир на новый виток конкурентной борьбы в области ценностно-смыслового противостояния.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белл 2004 – Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. – М.: Academia, 2004.

Белокобыльский 2019 – Белокобыльский А.В. Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна // *Философские науки*. 2019. № 62 (3). С. 124–133.

Белокобыльский, Левицкий 2018 – Белокобыльский А.В., Левицкий В.С. Социальная реальность. Институции интерсубъективности // *Вопросы философии*. 2018. № 10. С. 77–89.

Вебер 1990 – Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Водоразделы... 2018 – Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы: монография / под ред. А.В. Белокобыльского, В.С. Левицкого. – М.: Академический проект, 2018.

Гумбрехт 2020 – Гумбрехт Г.У. Розладнаний час // *Про|странство*. 2020. – URL: <https://www.prostranstvo.media/rozladnaniy-chas-gansa-ul-riha-gumbrehta-urivok-z-knigi/>

Рорти 1996 – Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

Тулмин 1984 – Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984.

Фихте 1995 – Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении учебного // Фихте И.Г. Сочинения. – М.: Ладомир, 1995. С. 481–521.

Хабермас 2008 – Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал. 2008. 23 июля. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyschego-ateizma>.

Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 41–62.

Хюбнер 1994 – Хюбнер К. Критика научного разума. – М.: ИФРАН, 1994.

Шаров 2019 – Шаров К.С. Сделаем Бога политкорректным? // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 86–96.

Casanova 1994 – Casanova J. Public Religions in the Modern World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Dear 2005 – Dear P. What Is the History of Science the History Of? // Isis. 2005. Vol. 96. No. 3. P. 390–406.

Fuller 2018 – Fuller S. Post-truth. Knowledge as a Power Game. – London: Anthem Press, 2018.

Kantor, Twohey 2017 – Kantor J. & Twohey M. Harvey Weinstein Paid Off Sexual Harassment Accusers for Decades // The New York Times. 2017. October 5. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/05/us/harvey-weinstein-harassment-allegations.html>

Michta 2020 – Michta A. America's Fin de Siècle: How Unbound Liberalism Has Brought the Country to Its Knees // The National Interest. 2020. December 13. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/america's-fin-de-siècle-how-unbound-liberalism-has-brought-country-its-knees-174304>

Piketty 2014 – Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. – Cambridge, MA.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

Standing 2011 – Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. – London: Bloomsbury Academic, 2011.

REFERENCES

Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books (Russian translation: Moscow: Academia, 2004).

Belokobylskyi A.V. & Levytskyi V.S. (2018) Social Reality. Institutions of Intersubjectivity. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 77–89 (in Russian).

Belokobylskyi A.V. (2019) The Crisis of Ideology of Universal Mind as a Challenge to the Social Structure of Modernity. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol 62, no. 3, pp. 124–133 (in Russian).

Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press.

Dear P. (2005) What Is the History of Science the History of? *Isis*. Vol. 96, no. 3, pp. 390–406

Fichte J.G. (1995) The Vocation of the Scholar. In: Fichte J.G. *Works* (pp. 481–521). Moscow: Ladomir (Russian translation).

Fuller S. (2018) *Post-truth: Knowledge as a Power Game*. London: Anthem Press.

Gumbrecht H. (2019) *A Broken Time*. Retrieved December 21, 2020 from <https://www.prostranstvo.media/rozladnaniy-chas-gansa-ulriha-gumbrehta-urivok-z-knigi/> (Ukrainian translation).

Habermas J. (2008) Notes on a Post-Secular Society. *New Perspectives Quarterly*. Vol. 25, no 4, pp. 17–29 (Russian translation in: *Russkiy zhurnal*. Retrieved from <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuy-ushego-ateizma>).

Heidegger M. (1993) The Age of the World Picture. In: Bibikhin V.V. (Ed.) *Time and Being: Articles and Speeches* (pp. 41–62). Moscow: Respublika (in Russian).

Hübner K. (1978) *Kritik der wissenschaftlichen Vernunft*. Freiburg: Verlag Karl Alber (Russian translation: Moscow: RAS Institute of Philosophy, 1994).

Kantor J. & Twohey M. (2017, October 5) Harvey Weinstein Paid Off Sexual Harassment Accusers for Decades. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2017/10/05/us/harvey-weinstein-harassment-allegations.html>

Levytskyy V.S. & Belokobylsky A.V. (Eds.) (2018) *Watersheds of secularization: Western civilization project and global alternatives*. Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).

Michta A. (2020, December 13) America's *Fin de Siècle*: How Unbound Liberalism Has Brought the Country to Its Knees. *The National Interest*. Retrieved from <https://nationalinterest.org/feature/america%E2%80%99s-fin-de-si%C3%A8cle-how-unbound-liberalism-has-brought-country-its-knees-174304>

Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rorty R. (1989) *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press (Russian translation: Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996).

Sharov K.S. (2019) Making God Politically Correct? *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 86–96 (in Russian).

Standing G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Toulmin S. (1972) *Human Understanding: The Collective Use and Evolution of Concepts*. Princeton, NJ: Princeton University Press (Russian translation: Moscow: Progress Publishers, 1984).

Weber M. (1990) Science as a Vocation. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 707–735). Moscow: Progress (in Russian).